

Это случилось в конце 50-х — начале 60-х годов. На экранах Франции появились фильмы молодых режиссеров, которые сразу привлекли внимание сначала французской, потом и мировой публики яркостью и оригинальностью языка, а главное — тематикой. Героем новых лент стала бунтарствующая молодежь. Не признающая законов окружающего общества, она вступала с ним в прямой и жесткий конфликт. «Отцами» и первыми представителями этого течения, оказавшего впоследствии заметное влияние на мировую кинематографию, были Ж. Л. Годар, Ф. Трюффо, К. Шаброль, Л. Маль, П. Касти. Позже к ним присоединились и другие талантливейшие авторы.

Шли годы, по-разному сложились судьбы этих необыкновенных людей. Жан Люк Годар — один из тех, кто на протяжении десятилетий старался сохранить и бунтарский, непримиримый дух своих героев, и свое остро критическое отношение к окружающему. Советскому зрителю известны фильмы «Не переводя дыхания», «Уик энд», «Альфавиль», «Китайка». В этом году мэтру мирового кино исполнится шестьдесят. Своей очередной фильм Ж. Л. Годар назвал «Новая волна» — явно в память о своей бурной молодости. В центре этой ленты, как и во всех его фильмах, — драма характеров, происходящая от столкновения героев с окружающим миром. На главные роли были приглашены известнейший французский актер Ален Делон и восходящая «звезда» итальянского экрана Доминиана Джордано, знакомая советскому зрителю по фильму Андрея Тарковского «Ностальгия».

Публикуем с небольшими сокращениями интервью с французским режиссером, которое опубликовал римский еженедельник «Эуропео».

Жан Люк Годар: *Соб. интервью — 1990. — 24 марта*
— с. 13.

ДВЕРЬ ЗАХЛОПНУЛАСЬ, А МЫ И НЕ ЗАМЕТИЛИ...

— В один прекрасный день Жан Люк Годар настолько заинтересовался кино, что сам захотел снять фильм. Вы помните этот день?

— Не знаю... Это произошло в начале войны. Мне было десять лет, я провел два года у родственников в Бретани — наша семья бежала из Парижа, который оккупировали немцы. Помню пляж, огромное число народа, множество абсолютно незнакомых людей в форме. Это были немецкие солдаты. Моя тетушка преподала нам урок неповиновения: мы должны были пройти мимо комендатуры, беззаботно облизывая мороженое. Для нее это было ужасным нарушением порядка. Потом я попал в Виши, где у нас были друзья из Красного Креста. Здесь я каждый день ходил в кино, пересмотрел все французские комедии, которые шли тогда на экранах. Очевидно, это повлияло на мою дальнейшую жизнь.

— Но из всех мальчиков, которые в те годы ходили в кино, только один стал Годаром...

— В школе я хорошо шел по математике. Но когда завели разговор о математическом факультете, мне стало плохо. Я подумал, что придется засесть за книги, которые не понимаю, расшифровывать их так же, как расшифровывают партию, читая повторяющиеся палочки и значки. Я сказал самому себе: «А ведь было бы неплохо написать роман».

— Вы пишете!

— К счастью, мне ни разу не удалось сдвинуться с первой фразы. У меня всегда было твердое убеждение, что люди делятся на богов, полубогов и остальных. Мой дед был на вершине Олимпа, отец был полубогом, а я — я был простым мальчиком. И сегодня я не считаю себя ни Хичкоком, ни Шекспиром. Располагаюсь этажа на два ниже их. Хотя и создаю неплохие вещи.

— И все же в кино вас привела литература!

— Даниэль-Валькруз открыл мне журнал «Нуфель ревью». Валькруз был сыном подруги моей матери. Я попытался писать статьи, совсем еще не думая о кино. Мысль снять свой фильм пришла мне позднее. Говорить о кино, читать, ходить в кино было для меня почти то же, что снять собственный фильм. И потом моя мама боялась за сыночка, говорили, будто в мире кино полно гомосексуалистов. Так прошли лет десять или двенадцать, прежде чем я подумал о «новой волне»...

— И все же однажды пришел день, когда вы встали за кинокамеру.

— Да нет, камера никогда не возникает вот так сразу. Это происходит потом. А сначала пишутся статьи, делаются короткометражки. Постепенно начинаешь узнавать людей. И только потом бросаешь вниз головой. А я вообще был более осторожен и более ленив, чем остальные.

— А вы помните первую снятую вами короткометражку!

— Да. Пришел день, когда я оставил семью и уехал в Швейцарию на заработки. Устроился работать на одной из плотин. Сказал себе: «Подкоплю немножко денег, а через два-три года вернусь в Париж. Первый фильм сниму в 25 лет». 25 лет, роковая дата. Такую же цель поставил однажды перед собой Орсон Уэллс. Прошло пять лет, и я снял первую короткометражку — исключительно на свои, заработанные собственным трудом деньги.

— А вы не хотите рассказать о том, как Жан Люк Годар жил до того, как стал Жаном Люком Годаром!

— Насколько я помню, у меня было приятное детство.

— У вас есть сестры и братья!

— У меня один брат и две сестры. Но я их никогда не вижу. Наши родители разошлись, и мы разошлись тоже. Я наслаждался счастливой жизнью в семье до тех пор, пока мог. Например, у Трюффо было несчастное детство, это бывает часто. А у меня, наоборот, в детстве было все. И потому богатство никогда не производило на меня большого впечатления. Когда я был маленьким, нашей семье принадлежало пять прекрасных домов в разных местах, у нас было двенадцать яхт. В детстве я наслаждался всем — богатым домом, солнцем, морем, снегом. Все говорят об идее построения счастливого и богатого демократического общества. Так вот, могу сказать, что я в таком обществе жил.

— Все это было во время войны, когда вы были подростком. А после — занимались ли вы политикой! Например, во время событий в Алжире вы подписывали «Манифест 121», ко-

торый считали тогда призывом к неподчинению!

— О фильме «Мужское — женское», который вышел в 1966 году, тогда же говорили: «Это одна из 121 ленты, которые не будут показаны по телевидению». Что до манифеста, то подписывать его я не собирался.

— Однако фильм «Маленький солдат» был посвящен войне в Алжире.

— Я снял его в январе 1960 года, накануне выхода на экраны ленты «Не переводя дыхания». И его сразу же запретили... на целых три года. Во времена Мальро такие ленты воспринимались плохо. Но я в общем-то был доволен, что его запретили: я стал получать письма, в которых мне угрожали смертью. А фашистский вождь Ле Пен дошел до того, что потребовал выслать меня из Франции.

— Правда ли, что «новая волна» выбирала в те годы темы, не связанные напрямую с действительностью!

— Точного отчета в том, что происходит, мы себе не отдавали. Да и вообще-то, что представляла собой «новая волна» в те времена! Нас было трое: Трюффо, Ривет и я. Примыкал к нам и Ромер. Потом появилась группа, в которую входили Варда, Маркер, Рене. Вот они-то знали все. Уверен — они даже Ленина читали!

— Думаете ли вы, что любое событие может стать предметом отражения на экране, а потом и кинематографическим мифом!

— Это бывает по-разному. Возьмите «вьетнамскую» тему. Я просмотрел все фильмы о Вьетнаме. Поражен творчеством американских режиссеров, особенно тем, как оно соотносится с их совестью. Сейчас они вновь вернулись к теме войны во Вьетнаме. Показывают мощь американской супердержавы и трусость всех тех, кто прибегает к американской военной помощи ради достижения своих целей. Этим американские кинематографисты завоевали всемирное признание. Это поразительно — они получают за свои ленты «Оскар», «Сезаров», премии на Московском кинофестивале. Должен сказать, что, старая, я порастерял тот напор, ту ярость, которые владели мной, когда я снимал те фильмы, что потом были причислены к «новой волне». Это была особая, глубинная ярость, сродни той, которую испытывали сюрреалисты в золотые времена расцвета своего искусства. Теперь я об этом жалею.

— Считаете ли вы, что кино может быть как бы актом психоанализа, дать возможность автору выразить самого себя! Что значит сказанное вами недавно: «В шестьдесят лет горько думать, что только сейчас научился снимать, только сейчас понял, какие фильмы хотел бы сделать, но никогда уже не сделаю...»

— Важно понять смысл своей работы, понять, каково значение того, что ты делаешь, что ты хотел сказать своими фильмами.

— Считаете ли вы, что как-то причастны к современному кино, можете ли назвать себя «сообщником» каких-то определенных фильмов!

— Например, «Пейзажа в тумане» Ангелопулоса, а почему бы и нет! Судя по всему, мог бы назвать и ряд русских фильмов, которых, впрочем, никогда уже не увижу.

— Думаете ли вы, что развитие индустрии кино может быть гарантией будущего для кино как искусства!

— Древние египтяне, бальзамируя тела фараонов, превратили их в остовеневшие мумии. То же самое мы сделали с кинематографом, уничтожив его способности создавать свои образы, используя силу человеческого воображения. Кинематограф стал продажным, мы заставляем его говорить нужным нам языком. Мне хотелось бы стать журналистом, чтобы написать об этом. Было время, я часто садился в поезд и уезжал куда-нибудь. Воображал себя этаким Джеком Лондоном и пускался в путешествие.

— Можно ли сказать, что кино переживает приближение еще одной «новой волны»!

— В то время, когда «новая волна» появилась, я думал: это всего лишь начало, и будет продолжение. А теперь понимаю: дверь слегка приоткрылась и вновь захлопнулась. А мы этого и не заметили.

Публикацию подготовила
Л. ФИЛАТОВА.

● Жан Люк Годар.
● Во время съемок «Новой волны».
Фото из журнала «Эуропео».

